

А. А. Мельников

О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ПЕРЕВОДА БОГОСЛУЖЕБНЫХ ТЕКСТОВ

Возможно, означенная тема на первый взгляд выглядит несколько провокационно, если учесть, какую остроту имеет в нашей стране вопрос о русском языке в контексте церковного богослужения. Поэтому, хочу сразу оговориться, что я не собираюсь говорить о необходимости, или даже возможности, осуществлять богослужение на русском языке. Хотя я лично не вижу в самой этой идее ничего недопустимого при соблюдении ряда условий, сам вопрос о возможности и позволительности богослужения на русском языке слишком болезнен для нашего церковного самосознания, которое имеет глубокие исторические, до сих пор незаживающие раны — раскол семнадцатого века и обновленческий раскол века двадцатого. Так что вопрос этот, будучи связан с неизбежными реформами, уже приводившими к столь серьезным последствиям, должен решаться всей полнотой Церкви во главе с её иерархией и требует самого взвешенного и деликатного подхода.

Я хотел бы сказать о другом — о той причине, которая рождает саму идею о богослужебном употреблении русского языка, то есть о непонимании, или плохом понимании, или неполном понимании — у кого как — языка церковнославянского. Сам я, будучи в течение уже 20 лет церковным певчим и чтецом, за это время, смею надеяться, достиг третьей из названных выше степеней. Может быть, есть и те, кто владеет церковнославянским в совершенстве, т. е. достигли полного понимания церковных текстов, но мне трудно представить, кто ещё, кроме профессионалов-славистов мог бы являться таким знатоком.

Во всяком случае, опыт общения со студентами нашей Духовной Академии (не только бакалавриата, но и магистратуры) убеждает в том, что даже качественный курс церковнославянского языка, дополненный богослужебной практикой, хотя и даёт базовое знание языка и понимание основных текстов, но оставляет студентов беспомощными перед трудными местами, которыми изобилуют богослужебные последования. На занятиях по курсу древнегреческого языка мы время от времени обсуждаем со студентами такие трудные места, обращаясь при этом к греческому оригиналу. Опыт таких обсуждений свидетельствует о довольно плохом, во всяком случае, недостаточном понимании ими подобных сложных церковнославянских текстов. Что уж говорить о большинстве прихожан наших храмов, не изучавших церковнославянский язык не только в духовных академиях, но часто даже на мало-мальски серьёзных приходских курсах.

Это, кстати, делает для меня несостоятельным любимый аргумент сторонников сохранения любой ценой богослужения на славянском. Когда им говорят о непонятности языка для многих наших современников, они дают простой совет: пусть люди изучают церковнославянский язык — наше сокровище и основание нашей культуры, благо сейчас и курсов и учебников хватает. Не подлежит никакому сомнению то, что церковнославянский язык является драгоценным наследием прошлых веков, а тексты на нем — неотъемлемой частью предания нашей Церкви, но сама осуществимость этого совета вызывает большие сомнения.

Кажется, что видящие в изучении славянского языка единственный и довольно простой способ решения проблемы, исходят из совершенно нереалистичного

Алексей Анатольевич Мельников — старший преподаватель кафедры древних языков Санкт-Петербургской Духовной Академии.

представления о некоем «среднем прихожанине», который обладает и желанием, и временем и средствами для самостоятельного изучения языка или посещения курсов, а кроме того еще и живостью ума, любознательностью и памятью семнадцатилетнего первокурсника. На самом же деле мой личный опыт общения с людьми приходящими в церковь (это часто люди средних лет и пожилые) говорит о том, что ничего из вышеперечисленного они не имеют даже при наличии достаточной мотивации. Если двухлетний основательный курс церковнославянского и постоянная практика у молодых людей и будущих священнослужителей не позволяют заполнить пробелы в понимании церковной гимнографии, то каких результатов можно ожидать от реального среднего прихожанина? Да и сколько у нас общедоступных курсов церковнославянского, даже если говорить только о столицах и оставить в стороне продолжительность курсов, полноту программы и прочее? А во всей огромной России и за рубежом, везде, где есть прихожане РПЦ, можно ли развернуть необходимую по охвату сеть курсов церковнославянского, найти для них или подготовить достаточное количество квалифицированных преподавателей?

Однако, кроме сложности изучения славянского языка и малой его понятности по причине недостаточной подготовки или ее полного отсутствия у многих прихожан, существуют и другие причины плохого понимания текстов нашего богослужения. Оставляя здесь в стороне причины более или менее случайные, или варьирующиеся от храма к храму, в числе которых могут быть недостаточно громкое и отчетливое чтение/пение, плохая акустика, характер пения в храме, его размер и удаленность слушающего от читающих / поющих и т. п., коснемся здесь богослужебных, прежде всего гимнографических текстов.

Сами эти тексты во многих местах темны и слишком сложны для восприятия. Причин этого явления существует несколько, но самых важных, пожалуй, две: 1) недостатки перевода с греческого на церковнославянский; 2) сложность и витиеватость некоторых оригинальных греческих текстов.

Проиллюстрирую здесь то и другое на нескольких примерах.

1) а. Греческие прилагательные среднего рода без существительного в единственном, а чаще во множественном числе, служащие в греческом языке для выражения обобщения, калькируются в переводе на церковнославянский.

Например, в кондаке праздника Благовещения:

<p>Τῆ ὑπερμάχῳ στρατηγῷ τὰ νικητήρια, ὡς λυτρωθεῖσα τῶν δεινῶν, εὐχαριστήρια, ἀναγράφω σοι ἡ Πόλις σου, Θεοτόκε·</p>	<p>Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти, раби Твои, Богородице...</p>
--	---

Поскольку такой способ выражения обобщения несвойствен русскому, да и славянскому языкам, подобные слова выглядят инородными вкраплениями в церковнославянский текст. При этом форма именительного падежа среднего рода с окончанием –ая в восприятии может смешиваться с формой именительного падежа женского рода. Гораздо естественнее было бы переводить такие греческие прилагательные соответствующими по значению существительными: τὰ νικητήρια как «награды за победу», τὰ δεινά как «зло» или «опасности» и т. д. Кстати, попутно хочется отметить, что при работе над этим кондаком переводчики не перевели буквально с греческого ἀναγράφω σοι ἡ Πόλις σου, Θεοτόκε как «восписую Ти, Град Твой, Богородице...», поскольку понимание этого выражения требовало от слышащих знания исторических реалий написания кондака, а заменили его более общим «восписуем Ти, раби Твои...», то есть в данном, кажется, достаточно редком случае, подумали о понятности своего перевода для будущих слушателей.

Подобный буквальный перевод греческих прилагательных на церковнославянский является типичным и чрезвычайно распространенным в богослужебных текстах, и хотя такие слова сами по себе не представляют особых трудностей для понимания,

но вносят свой вклад в итоговую, так сказать, малопонятность церковнославянского текста.

б. Греческий дательный падеж, имеющий ряд различных синтаксических функций, кроме того случая, когда он совпадает с дательным как падежом косвенного дополнения в славянском (и русском), переводится на церковнославянский почти исключительно творительным падежом. Такой перевод соответствует только инструментальной функции греческого датива (*dativus instrumenti*), но остальные его функции не передаёт, а лишь вводит в заблуждение слушающего.

Ирмос 8 песни Воскресного канона 6 гласа:

Ἐκ φλογὸς τοῖς Ὁσίοις, δρόσον ἐπήγασας,
καὶ δικαίου θυσίαν, ὕδατι ἔφλεξας·
ἅπαντα γὰρ δράς Χριστέ, μόνῳ τῷ
βούλεσθαι·
σὲ ὑπερψοῦμεν εἰς πάντας τοὺς αἰῶνας

Из пламене преподобным росу источил еси, и праведнаго жертву **водою** попалил еси: вся бо твориши, Христе, *только еже хотети*. Тя превозносим во вся веки.

Вероятно, у многих возникает вопрос о том, как жертва могла быть попалена водою, особенно если обратиться к тому месту из Ветхого Завета, аллюзия на которое заключена в этих словах ирмоса. Речь идет, конечно, о принятии Богом посредством нисшедшего с неба огня жертвы пророка Илии, которая была до этого обильно полита водою, для доказательства истинности веры пророка. (3 Царств 18:31-38) Библейский текст не дает оснований для такого понимания события, какое выражено церковнославянским текстом. Но если учесть, что греческий датив в данном тексте может иметь функцию образа действия (*dativus modi*), то это место можно перевести как «жертву с водою попалил еси», что вполне соответствует библейскому тексту. Также нужно отметить, что в данном ирмосе греческое выражение μόνῳ τῷ βούλεσθαι дословно и весьма неуклюже переведено на славянский как *только еже хотети*, вместо естественного «хотением» или «изволением».

Многочисленные случаи перевода греческого *dativus modi* творительным падежом особенно бросаются в глаза в типичных окончаниях седальнов после кафизм на утрени, например: «... верою и любовью совершающия всечестную память твою» (вместо «с верою и любовью...»).

Из канона св. апостолу Варфоломею, песнь 5, тропарь 1¹:

Τοὺς πόδας κτησάμενος, ὠραίοις τῷ
κηρύγματι, πᾶσιν ἀγαθὰ εὐηγγελίσω, πᾶσιν
εἰρήνην μάκαρ ἐκήρυξας...

Ноги стяжав **красны** проповеданием, всем благая благовестил еси, всем мир, блаженнее, проповедал еси...

Здесь, во-первых, в не вполне понятном выражении *ноги красны*² эпитет *ὠραίους* должен означать не «красивые», а «зрелые, возмужалые», то есть в нашем контексте «готовые». Во-вторых, церковнославянский текст, очевидно, утверждает, что апостол приобрел ноги красны посредством проповеди, то есть в ее результате. В то же время, ясно, что первая часть предложения, содержащая причастие, присоединенное к подлежащему, выражает предварительное условие для проповеди. Это не вызывает никаких сомнений, если понимать датив τῷ κηρύγματι как *dativus commodi*, или дательный пользы; в таком случае все становится на свое место: «Когда ноги твои, блаженный, созрели для проповеди, ты всем возвестил благо и всем проповедал мир...» Отметим здесь, в очередной раз, перевод обобщающего прилагательного ἀγαθὰ прилагательным *благая*, что обсуждалось чуть выше.

в. Особенно печально известным и наиболее осложняющим понимание текста является порядок слов, который остается без всякого изменения при переводе с греческого на славянский:

¹ Миняя август. Ч. 3. С. 66.

² Очевидно, что большинство только начинающих ходить на богослужения, скорее всего, поначалу поймут это выражение так, как им подсказывает русский язык, т. е. «ноги красного цвета».

Вот фрагмент из стихир на стиховне вечерни 7/20 января (Собор св. Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна):³

Господь говорит Предтече: «Гряди ко Мне... *Сокрушенного бо Адама грехом обновляя*, крещаюся, яко Человек, естеством Нескверный, Иорданскими водами...». То, что существительное *грехом* стоит не рядом с причастием, выражающим действие, с которым оно соотносено по смыслу, а рядом с другим причастием, выражающим уже другое действие, приводит к естественному восприятию выражения *грехом обновляя* как слитного словосочетания, имеющего уже совсем иной и неприемлемый для христианина смысл. Стоило лишь заметить это при переводе и поставить слова в немного ином порядке и стихира воспринималась бы ясно и без двусмысленности...

2) Бывает, что сложность понимания церковнославянского текста определяется сложностью самой мысли автора или сложным способом её выражения.

Вот, например, один из тропарей канона праздника Успения Богородицы (4 песнь, 2й канон, прп. Иоанна Дамаскина):

*Чудо бяше зрети Небо всех Царя одушевленное, / испражнения преходящее земная, яко чудна дела Твоя! / Слава силе Твоей, Господи.*⁴

Во-первых, слово *испражнения* кроме своей непонятности в данном контексте кажется совершенно неуместным в хвалебном богослужебном тексте из-за значения, которое оно приобрело в русском языке. Ведь мы, хотим того, или нет, воспринимаем церковнославянский текст через родной нам русский и подобные паронимы (такие как *понос*, *отрыгну* и пр.), даже если мы знаем их первоначальное значение в славянском языке, обладают ярко выраженным неблагозвучием для уха современного человека.⁵

Далее нужно сказать, что смысл этого тропаря оказывается не вполне ясным, даже если знать, что слово *испражнения* в церковнославянском языке означало, согласно словарю свящ. Г. Дьяченко, «пустота, пустое место, недра», являясь переводом греческого κενεών. Сам Г. Дьяченко в словарной статье к данному слову предлагает такой перевод тропаря: «Чудно было видеть одушевленное небо Царя всех, **проходящим все пространства земныя**, яко чудны дела Твои...». Однако, этот перевод на русский язык не является единственным. Посмотрим на греческий оригинал тропаря с еще двумя вариантами русского перевода:

Θάμβος ἦν θεάσασθαι τὸν οὐρανόν, τοῦ Παμβασιλέως τὸν ἔμψυχον, τοὺς κενεῶνας, ὑπερχόμενον τῆς γῆς. Ὡς θαυμάστὰ τὰ ἔργα σου· Δόξα τῇ δυνάμει σου Κύριε.	Чудо бяше зрети Небо всех Царя одушевленное, / испражнения преходящее земная , яко чудна дела Твоя! / Слава силе Твоей, Господи.	Дивно было видеть одушевленное Небо всех Царя недра земные проходящим. Как чудны дела Твои! Слава силе Твоей, Господи! ⁶	Удивительно было видеть одушевленное небо Всецаря проходящим пустоты земли... ⁷
--	---	---	---

Все эти переводы на мой взгляд, не совсем точны. Если учесть, что употребленный в греческом тексте глагол ὑλ-έρχομαι имеет значения

1) подходить (под что-л.), входить, вступать; 2) (медленно) продвигаться; 3) отходить, отступать,

³ Минея январь. Ч. 1. С. 253.

⁴ Минея август. Ч. 2. С. 43.

⁵ Это, на мой взгляд, говорит о необходимости дальнейшего редактирования церковнославянских текстов в той или иной форме.

⁶ Перевод иером. Амвросия (Тимрота) на эл. ресурсе azbyka.ru.

⁷ Скабалланович М. Н. С. 67.

то перевод, скорее, должен быть таким: «Удивительно было узреть одушевленное небо Царя всех, погружающееся в пустоты земли...», т. е. выражающим образ парадоксального схождения Богородицы как духовного Неба под землю при Ее погребении. Если же вспомнить, что хоронили в Палестине в пещерах, — своеобразных «пустотах земли» — то образ становится еще более отчетливым и ярким. Славянский же переводчик в этом месте, кажется, спутал глагол *ὕλ-έρχομαι* с похожим на него глаголом *ὕλερ-έρχομαι*.

Подобных мест, трудных для понимания в силу сложности образа или его выражения автором, в наших богослужебных текстах предостаточно. Особенно сложными в этом отношении являются каноны, например, прп. Космы Маюмского. Можно было бы, при желании, привести и сотни примеров первого рода, связанных с погрешностями славянского перевода. При этом нельзя забывать о том, что гимнографические тексты должны восприниматься подавляющим большинством молящихся *на слух*, что делает понимание подобных мест еще более затруднительным.

Все сказанное имеет целью в очередной раз констатировать, что ныне используемые при богослужении церковнославянские тексты по нескольким причинам представляют определенную, иногда довольно большую сложность для понимания молящимися. Рассчитывать же на массовое хорошее овладение языком богослужения не приходится. Проблема существует и она довольно серьезна. Тексты, которые Церковью предназначены для молящихся, содержат в себе Ее догматическое, аскетическое, нравственное учение, экзегезу Священного Писания, рассказывают о событиях Ее истории. Часть этого богатства остается не усвоенной по причине непонятности текстов. Они со временем для многих становятся знакомыми и привычными, но от этого не более понятными. Но привычка не должна заменять собой понимание!

Некоторым решением проблемы мог бы стать перевод всего корпуса богослужебных текстов на русский язык. Не для употребления при богослужении, а во вспомогательных целях: чтобы молящиеся, услышав непонятные тексты или отдельные выражения во время церковного богослужения, могли обратиться к русскому переводу для разрешения своих недоумений. Хорошей практикой могло бы стать и предварительное чтение русского текста в качестве подготовки к службе. При современном развитии интернета такие переводы можно широко использовать в электронных версиях даже без полноценной печатной публикации, которая требует для своего осуществления значительных материальных средств.

Процесс перевода богослужебных текстов на русский язык силами отдельных энтузиастов осуществляется уже давно. Существуют переводы самых главных текстов: воскресного Октоиха, недельных служб Постной и Цветной триоди, Страстной седмицы, двенадцатых праздников. Но огромный массив седмичных служб Октоиха и триодей, богослужебных миней остается непереведенным. Поэтому в заключение хочется призвать всех, разделяющих взгляд автора на проблему, в меру своих сил принять участие в сложном и трудоемком, но столь необходимом деле перевода богослужебных текстов.

Источники и литература

1. Минея август. Часть 2. Изд. 4-е. М.: Изд. Московской Патриархии РПЦ, 2011. 432 с.
2. Минея август. Часть 3. Изд. 4-е. М.: Изд. Московской Патриархии РПЦ, 2011. 384 с.
3. Минея январь. Часть 1. Изд. 4-е. М.: Изд. Московской Патриархии РПЦ, 2011. 628 с.
4. Скабалланович М. Н. Успение Пресвятой Богородицы. Киев: Пролог, 2003. 190 с.
5. Электронный ресурс: Православная энциклопедия «Азбука веры» <https://azbyka.ru/bogosluzhenie/mineia/usp03.shtml>